

УЧЕНЫЙ

Александр Александрович

ЛЮБИЩЕВ

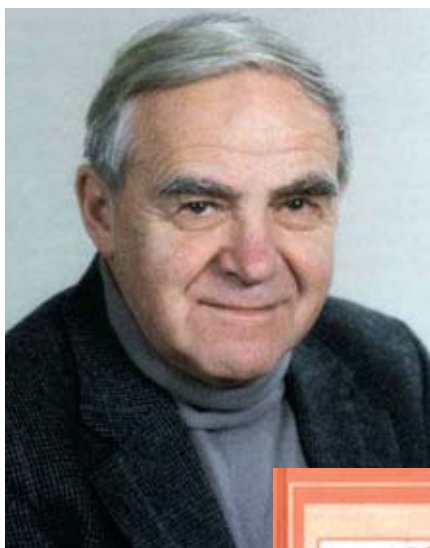
*Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!*

Николай Заболоцкий

ЛЮБИЩЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ – биолог, философ, доктор сельскохозяйственных наук, специалист по одному из сложнейших подсемейств жуков-листоедов, так называемым земляным блошкам (CHRYSOMELIDAE: ALPICINAE), и защите растений, применению математических методов в биологии, общим проблемам биологической систематики, теории эволюции и философии, литературе, религии и истории науки, сельскому хозяйству, генетике, энтомологии, зоологии, атеизму...

Коллеги Любищева знали многие печатные работы ученого, оказавшиеся лишь частью его огромного творческого наследия. В колоссальном архиве, переданном теперь Академии наук, было обнаружено более трехсот ненапечатанных статей по общей биологии и по прикладной энтомологии, по математической статистике и по теории эволюции, по философии, истории и литературе

Гранин
Даниил Александрович

объемом свыше 10 тысяч страниц, а сверх этого 56 томов конспектов и критических заметок и, наконец, около 4,5 тысячи писем. В одной из статей памяти Любищева справедливо сказано, что его переписка «когда-нибудь окажется бесценной для истории науки XX века».

О нем, может, и до сих пор знали бы только узкий круг ученых и составители энциклопедий, если бы не замечательная документальная повесть Даниила Гранина «Эта странная жизнь», вышедшая в 1974 году и неоднократно переизданная.

«Никто, даже близкие Александра Александровича Любищева не подозревали величины наследия, оставленного им,

– искренне восхищался Гранин.

– История науки знает огромные

наследия Эйлера, Гаусса, Гельмгольца, Менделеева.

Для меня подобная продуктивность всегда была загадочной...

Любищев умудрился работать и ширь и вглубь, быть узким специалистом и быть универсалом»...

Сам Александр Александрович говорил:

«Я – кто? Я – дилетант, универсальный дилетант. Слово-то это происходит от итальянского «дилетто», что значит – удовольствие. То есть человек, которому процесс всякой работы доставляет удовольствие».

Родился 5 апреля 1890 г. в Петербурге в семье лесоторговцев, корни которых уходят к крепостным графа Аракчева. Золотая медаль за успешное окончание реального училища дала ему возможность без экзаменов поступить в

Петербургский университет на физико-математический факультет, который окончил в 1911 году. После этого он работал на Бестужевских женских курсах, сначала у профессора С.И. Метальникова, затем у профессора А.Г. Гурвича, с которым Любищева снова свела судьба в 1918 г. в Крымском университете в Симферополе. Первые работы Александра Александровича по проблемам формы, системы и эволюции организмов, а также математизации биологии вышли в 1923–1925 гг., когда он был доцентом Пермского университета.

Доктор технических наук Иосиф Львович Письменный, старший научный сотрудник Хайфского Технического университета, Израиль, собирая материалы о Любищеве, прислал в редакцию письмо:

«...Друживший с Любищевым и писателем Варламом Шаламовым Юлий Анатольевич Шрейдер, из многочисленных должностей, званий и наград которого я назову только два – начальник отдела теоретических и прикладных проблем информатики Всероссийского Института Научной и Технической Информации (ВИНИТИ) и академик-секретарь отделения «Наука и теология» Академии естественных наук РФ, в 1978 г. в книге «Пути в неизвестное» опубликовал статью «Три жизни профессора Любищева». В ней дается следующее разделение научного и жизненного пути Александра Александровича Любищева:

- **первая жизнь** – жизнь квалифицированного специалиста,

- **вторая жизнь** – осмысление и разработка методологических проблем науки,

- **третья жизнь** – когда открылся масштаб творческой личности профессора Любищева и возник массовый интерес к наработанному Любищевым запасу идей.

Земляные блошки

Научная классификация

Царство: **Животные**
 Тип: **Членистоногие**
 Класс: **Насекомые**
 Отряд: **Жесткокрылые**
 Подотряд: **Polyphaga**
 Семейство: **Листоеды**
 Подсемейство: **Козявки**
 Триба: **Земляные блошки**

Латинское название:

Alticini Spinola, 1844

И документальная повесть писателя Даниила Гранина «Эта странная жизнь», и регулярные конференции, именуемые «любищевскими чтениями», которые с 1988 г. проходят на базе Ульяновского государственного педагогического университета, и публикация сборников с научными докладами этих конференций, и издание книг трудов и переписки Любищева, и материалы о нем в Интернете – все это третья жизнь профессора Любищева.

Р.С. Жаль только, что вряд ли найдется кто-либо, кто смог бы сейчас, спустя более 80 лет, рассказать о самарском периоде деятельности профессора зоологии Самарского Сельхозинститута».

Вот это письмо с Р.С. в конце натолкнуло на мысль подготовить публикацию об Александре Александровиче Любищеве – одном из гранинских «зубров».

В середине 20-х годов ректор самарского сельскохозяйственного института Сохацкий Стефан Вацлавович проводит линию укрепления кадров, привлекая в институт ученых из других городов.

Из Пермского госуниверситета приглашен Любищев Александр Александрович на должность профессора кафедры зоологии, которую он занял 20 октября 1926 года. Начав работать в области сельскохозяйственной энтомологии, успешно провел ряд работ, связанных с проблемами сельского хозяйства, много занимался прикладными работами. Уже тогда современников поражали его интересы: математика, философия, религия, литература, история, музыка...

В музее института имеется стенд, рассказывающий о самарском периоде деятельности профессора кафедры зоологии Любищева Александра Алек-

сандровича. Хранится память о профессоре, который с первых проталин и до первого снега проводил всё время в поле со своими студентами. Зимой шла обработка собранных летом данных. Он читает курс лекций по зоологии и начинает глубокое изучение проблемы повреждения культурных растений насекомыми. Применяет нормальные статистические методы количественной оценки повреждений культурных растений насекомыми.

Если вкратце говорить об Александре Александровиче Любищеве в период работы в Самарском СХИ, следует назвать имена преподавателей СХИ – настоящих титанов науки: П.А. Преображенский, Г.А. Студенский, С.М. и Н.М. Тулайковы, П.Н. Константинов, И.В. Долгих, Квасников В.В., Слепаков А.Н. – первый редактор и организатор «Комсомольской правды», в прошлом, сторонник Н.И. Бухарина, за что и попал в ссылку в Самару.

С Александром Александровичем не раз они встречались на поприще науки.

Выпускники 30-х годов оставили воспоминания о Любищеве не только как ученом, но и о человеке замечательном, простом и доступном.

С восхищением говорил об Александре Александровиче Ефимов Сергей Петрович, студент СХИ 1926-30-х годов, позже министр сельского хозяйства Молдавии. Его настольной книгой была повесть Д. Гранина. С ним, уже пенсионером, я, тогда директор институтского музея, не раз встречалась в Москве. Сергей Петрович подарил книгу с надписью «Музею СХИ в знак доброй памяти об А.А. Любищеве – замечательном ученом и человеке. Один из его учеников в Самарском СХИ, С. Ефимов, г. Москва, 16.03.1989 г.»

В своих воспоминаниях «СХИ в памяти и в сердце», а

А.А. Любищев в молодые годы

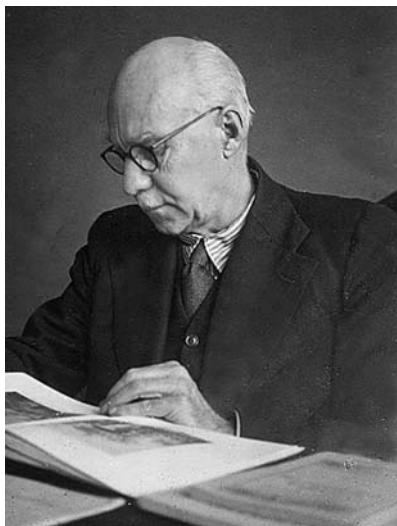
также в книге «ОБВАЛ» в 90-м году о нём писал Бардин Олег Сократович. Когда он писал книгу «Обвал» мы очень часто с ним встречались и много говорили о Любищеве Александре Александровиче.

Привожу полностью отрывок из книги:

«...профессора Александра Александровича Любищева я знал не только по его лекциям как студент, но и как секретарь зоолого-зоотехнической предметной комиссии, где он был председателем и с которым я бывал в Ленинграде, Москве на съездах и сессиях АН СССР.

Замечательный писатель Д. Гранин написал книгу об ученом, но жаль, что он многого не знал о нем, как о человеке. О том, каким он был в жизни.

Например, он обладал большим недостатком в чистописании. Для прочтения написанного Александром Александровичем требовался «Переводчик». Одним из них был я. Перед отъездом в США (куда его посылали на 6 месяцев) он забежал в лабораторию, где застал меня с лупой, трудившимся над его запиской, адресованной, не помню кому. На его вопрос в чем дело, я просто ему ответил, что эту записку

И.И. Шмальгаузен

мне дали для «перевода». Этого оказалось достаточно для того, чтобы Любищев, купив в Америке на свои деньги пишущую машинку с русским шрифтом, прошел что-то вроде курсов и вернулся в СХИ в совершенстве овладевшим искусством машинописи. После этого вся его переписка велась на машинке, даже указания и приказания мне как секретарю печатались на машинке и только внизу была подпись «А. Любищев».

Только потом через года я стал осознавать умение крупного ученого сочетать научный труд с практикой обычного человека».

Удивительно, писал Любищев свои труды на русском, английском, немецком языках. Один из трудов (Экспонат музея 1927–1928 г.) «К методике учета экономического эффекта вредителей», написан на русском 1–447 стр. и 447–505 на английском. Александр Александрович владел английским, немецким, французским, итальянским языками.

В 1930 году в связи с реорганизацией института и перевода ветеринарного факультета и кафедры зоологии в Оренбург, Любищев уезжает

в Ленинград. Последний раз Александр Александрович приезжал в Самару, тогда уже Куйбышев, в 1941 году, рассчитывая найти здесь свои оставшиеся записи. (2)

В Ленинграде работает во Всесоюзном институте защиты растений (ВИЗР). В эти годы он изездил почти весь юг России, Азербайджан, северную Украину, изучал экономическое значение насекомых – вредителей, и пришел к заключению, что вред, наносимый насекомыми, сильно преувеличен и составляет около 2%. Он встал на защиту насекомых-вредителей. В 1937 г. состоялось заседание Ученого совета ВИЗРа, на котором обсуждались не столько его работы, сколько обсуждали самого Любищева.. Заседание длилось 5 часов. По всей стране шла борьба с вредителями, а Любищев позволил себе защищать вредителей, пусть не людей-вредителей, а всего лишь насекомых-вредителей – все равно это звучало злое. Его обвиняли в том, что он умышленно занижает опасность вредителей с целью демобилизации борьбы с ними, что он является адвокатом и пособником вредителей.

Ученый совет единогласно признал ошибочность научных разработок Любищева и постановил ходатайствовать перед ВАКом о лишении его степени доктора наук. Но Александр Александрович остался верен своим взглядам, считая, что научные споры не решаются голосованием, что и большинство бывает неправым. Окончание этой истории было неожиданным. Директор ВИЗРа вскоре был арестован. Среди прочих обвинений было и такое, как разгон кадров. Это автоматически снимало с Любищева многие обвинения, и ВАК оставил ему степень доктора наук.

В 1938 г. Любищев принял приглашение профессора зоологии И.И. Шмальгаузена

возглавить отдел экологии в Институте биологии АН УССР в Киеве.

Великая Отечественная война. Любищев с женой и внуком эвакуируется в далекую Киргизию в г. Пржевальск. Там в местном Педагогическом институте он заведовал кафедрой зоологии. В 1943 г. его пригласили в столицу Киргизской ССР – город Фрунзе, где заведовал эколого-систематической лабораторией в Киргизском Филиале АН СССР. Возглавлял кафедру зоологии Киргизского сельскохозяйственного института. Одновременно в течение четырех лет он был председателем Государственной аттестационной комиссии на трех факультетах – биологическом, физико-математическом и географическом.

Во Фрунзе пересекаются пути двух бывших самарцев Любищева Александра Александровича и Леглера Андрея Ивановича, который в своих воспоминаниях «Жизнь моя полосатая» (3) писал: «...сегодня получил ответ от Александра Александровича Любищева, Саши, с которым мы жили и работали в поселке Усть-Кинельский под Самарой. Он заведовал кафедрой зоологии в недавно открывшейся сельхозке. Добираться до Самары было трудно, но мы с Сашей прихватив наших жен изредка выбирались в воскресные дни в театр посмотреть оперетту. Целые куплеты из различных оперетт он знал наизусть. Самара заштатный провинциальный город. Нам повезло тем, что в сельхозке работал профессор Павел Александрович Преображенский, в моей памяти он остался энциклопедистом, и старался просветить каждого студента. Недавно деревенские ребята стремились к знаниям. Преображенский всегда вешал объявление, что в Самаре стоит лекция, но добираться

туда было очень трудно. Ректор Сохацкий давал машину и Павел Александрович иногда привозил лекторов в сельхозку. Саша всегда говорил, что он далекотискусства и литературы, а я считал себя гуманитарием по духу, но часто я убеждался в обратном. На лекции искусствоведа Н.Н. Померанцева он засыпал его вопросами по Оружейной палате. Да что там Оружейная палата! На лекции по Древней Руси, когда лектор П.И. Смолитчев рассказывал о Чернигове, Саша задал вопрос о фреске Фёкла. Я о Фёкле никогда не слышал, мы долго спорили о ней, в наши споры часто включался живший по соседству совсем молодой врач Алексей Фролов, он потом погибнет в войну. Спорщики они с Сашей оба были заядлые. После лекции, которую читал Тамм И.Е., тогда ещё малоизвестный ученый, с которым Саша был знаком с Симферополя, он шел, молча и тихонько покручивал перед собой пальцами, у него была такая привычка, когда обдумывал что-то важное. Я знал, что он ведет дневник, впоследствии он присылал мне годичный отчет, который меня совершенно не заинтересовал. Человек он очень неординарный. Я в записную книжку старался записывать имена людей. Сейчас, подводя итог своей жизни, вытаскиваю эти имена, как из волшебной шкатулки – памяти.

Наши встречи, общения были только в зимний период. Как только наступало тепло и до поздней осени он жил в поле, поля и насекомые были его религией, всё подчинялось этому ритму. Когда, правда это было редко, мы встречались с женами, Валентина всегда жаловалась на него, она любила жаловаться. Моя жена называла её «зудой», но при этом говорила, что она бы с таким мужем жить не могла. Они потом разошлись. В 1930 году он уехал в Ленинград, а я остался в Сама-

ре. В 1931 году меня перевели в Пермь, которая после Самары показалась нам культурным и научным центром. С началом войны меня, учитывая мою фамилию, перевели на работу во Фрунзе. Велика была моя радость, когда мы встретились там с Александром Александровичем. Но во Фрунзе мы общались очень мало. Работы было много и у меня и у него, но всё-таки несколько раз мы встречались и беседовали, и он всегда находил тему для спора. После окончания войны, разъехались в разные стороны, но редкие письма поддерживают нашу связь». (3)

С 1916 г. А.А. Любищев вел Систематический дневник. Способ ведения менялся, он искал наиболее подходящую для себя форму. От раннего периода в архиве сохранились дневники с 17.09.18 г. по 24.10.22 г. (в томе 1 бис).

«Пермь, 11.11.21 г.

Сегодня во время колки дров мне пришла в голову мысль, что недурно бы обдумать и изложить на бумаге вопрос об

инвариантах в широком смысле слова».

Рассказывая о событиях и идеях, Александр Александрович часто тут же развивает возникающие мысли. Дневники пестрят критическими заметками: о глупости, об университетском уставе, о рисунке крыла у бабочек, о миметизме, о проявлении математических идей в художественном творчестве и органическом мире, о целесообразности, о критической философии, о науке и другие.

Впечатления, идеи, заметки постепенно отделялись, оставляя все больше места сухой бухгалтерии времени. Дневники последних 35 лет — это отложенная Система отношений со Временем. Система учета времени, или просто Система принесла наибольшую известность Любищеву. Ее принцип предельно прост — вести подробный учет времени, на что бы оно ни было употреблено, включая чтение художественной литературы, отдых, общение с друзьями и следует ей до конца жизни. Любищев как будто завел внутри себя часы, которыми регламентировал свою жизнь. Он, как никто другой, осознавал всю важность и ценность каждого часа человеческой жизни и научился чувствовать время как нечто материальное. Дети профессора позже рассказывали писателю Д. Гранину о том, как заходили в рабочий кабинет к отцу с вопросом, отвечая на который, профессор, сам того уже не замечая, ставил заметки начала и окончания беседы себе в дневник. Он делал это уже даже не смотря на часы! Как будто время стало для него чем-то осязаемым! Даже время отдыха было для него временем познания, временем творения, временем наслаждения жизнью. Он как будто задался целью опровергнуть привычное утверждение, что «жизнь

	Намечено по плану	Выполнено
Основная научная работа	10,0	11,0
Экология и прикладная биология	21,5	25,5
Систематическая энтомология	23,5	29,0
Организационная работа	1,0	1,0
Зоологич. институт АН УССР (администратор)	4,0	3,0
ВИЗРА (Всесоюзный институт защиты растений) и проч.	9,0	2,5
Общение с людьми	7,0	6,5
Развлечение (кино)	1,0	0,5
Передвижение	8,0	8,5
Домашние дела	4,0	2,5
Отдых и купанье (18 раз, большей частью попутно)	3,0	3,0
Резерв (непредвиденное)	1,0	—
Всего	93,0	93,0

Страница из дневника

коротка», и всей своей жизнью показывал, что в жизни можно много успеть: и наработаться, и напутешествоваться, многое увидеть, услышать, прочесть, вырастить и воспитать детей. **«Он поставил на себе эксперимент – и добился успеха. Вся его жизнь была образцово устроена по законам Разума. Он научился поддерживать свою работоспособность стабильной и последние двадцать лет жизни работал ничуть не меньше чем в молодости. Система помогла ему физически и морально...»** – писал Гранин о Любищеве.

В 1948 г., после печально знаменитой сессии ВАСХ-НИЛ (Всесоюзной Академии Сельско-Хозяйственных Наук им. Ленина), когда тогдашний президент академии Т.Д. Лысенко выступил с докладом, в котором обрушился с тяжкими обвинениями на своих научных противников генетиков, ситуация повторилась – началась проработка взглядов Любищева. «И в это время он пишет большое (около ста страниц) письмо Сталину, в котором разоблачает лысенковщину, приводя научные и практические доказательства. Теперь по прошествии многих лет мы понимаем, что это был подвиг. Удивительно, но негативных последствий для Любищева не последовало». (2 с. 82)

А.А. Любищев работает над монографией «О монополии Т.Д. Лысенко в биологии» Это решительный протест ученого против засилья в биологии агрессивного невежества и преступного противопоставления так называемой мичуринской биологии всей мировой, в том числе и отечественной, биологической науке. Любищев, который больше чем кто-либо написал критических работ против мо-

нополии Лысенко и в защиту классической генетики, видимо, был прав, когда пришел к выводу, что гегемония Лысенко – лишь наиболее яркий пример тех последствий, когда какая-либо одна доктрина становится догматической и только она поддерживается государством.

В 1950 г. Александр Александрович переезжает жить и работать в г. Ульяновск, где избран на должность заведующего кафедрой зоологии в Педагогическом институте. Подавляющее большинство его публикаций, вышедших в 30–50-е годы, было посвящено прикладной энтомологии, хотя он продолжал интенсивно работать и по общебиологическим проблемам.

В 1955 г. А.А. Любищев ушел на пенсию. Начался один из наиболее плодотворных периодов жизни. С 1962 г. выходят в свет его работы, по теории систематики, сравнительной анатомии и эволюционному учению.

Александр Александрович неоднократно подчеркивал роль математизации естественных наук для превращения их из описательных в номотетические, т. е. открывающие законы природы. В области методологических интересов Любищева входила также этика ведения научных споров. Он выдвигает требование помогать оппоненту, усиливая его позиции, с тем, чтобы спор не сводился к обнаружению слабостей, поддающихся исправлению.

«Серьезный спор может быть кончен тогда, когда автор может изложить мнение противника с той же степенью убедительности, с какой его излагает противник, но потом прибавить рассуждения, показывающие корни предрассудков

противника,» – писал А.А. Любищев. – **«Истинный ученый и искатель истины никогда абсолютной уверенности не имеет (дело касается тех областей знания, где есть споры), он пытается все новыми и новыми аргументами добиться согласия своего противника не потому, что чувствует горделивое превосходство перед ним, и не из тщеславия, а прежде всего для того, чтобы проверить собственные убеждения...»**

Его теоретические интересы в области биологии были связаны с триадой проблем «система – эволюция – форма». Любищев пришел к выводу, что форма организма не является простым приспособлением к условиям среды, определяемым необходимостью выполнения определенной функции, но имеет и свои имманентные законы. Точно так же систематика не является протоколом эволюционного развития, но имеет целью построение «естественной системы организмов». Целью науки Любищев считает не расширение власти над природой, а увеличение свободы человека.

Главным философским сочинением А. А. Любищева, над которым он начал работать ещё в 1917 г., является работа «Линии Демокрита и Платона в истории культуры». На большом числе исторических примеров и с поразительной тщательностью показывает, что развитие науки теснейшим образом связано с философскими установками. С позиции Любищева, философия не ставит запреты на пути исследователя и не направляет его по единственно разрешённой дорожке, но открывает многообразие подходов к исследуемой реальности.

Одновременно он занимается осмыслением подходов

к биологической эволюции, вскрывая коренные пороки концепции Ч. Дарвина. В последний период своей жизни он осознал, что трудности теоретической биологии имеют не столько конкретно биологический, сколько философский характер.

Крупная работа А.А. Любищева «Наука и религия» направлена на опровержение распространенного мнения об антагонизме науки и религии. Он убедительно доказывает, что отрицательное влияние исходит не от религии, а от догматизма, причём атеистический догматизм не менее вреден, чем религиозный, так как стремится охватить всё знание. К догматизму ведут всяческого рода суеверия, которым не чужда и наука. Убеждениями не разума, а чувств грешили даже такие выдающиеся учёные, как Лаплас и Галилей. Формулируя выводы из истории Галилея, Любищев замечает: «Развитие наук идёт не путём накопления окончательно установленных истин, а путём последовательных синтезов».

Собранная им богатая коллекция блошек (около 24 тыс. экз.) согласно его завещанию передана в Зоологический институт АН.

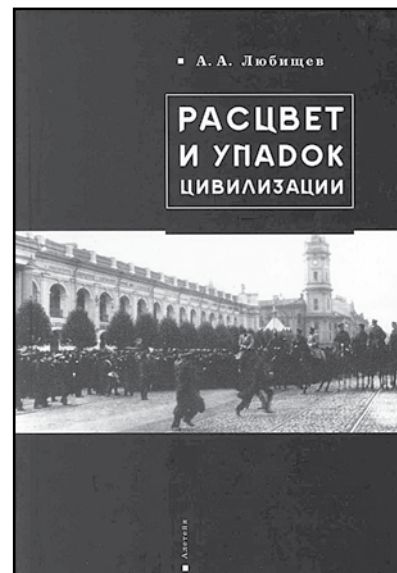
«Александр Александрович Любищев в 1952 году в небольшом эссе «Основной постулат этики» сформулировал свой завет-миф: *жить и поступать так, чтобы способствовать победе Духа над Материей. Конечно, имеется в виду не злой дух, а добрый дух. Но сама фамилия Любищев уже есть знак добра. Стиль творческого и жизненного поведения Любищева являл удивительную гармонию трёх начал: рационального, интуитивного и эмоционального. Таких людей с библейских времен называют мудрецами. Они открыты людям и всем потокам жизни. Но и это не всё. В одном из пи-*

сем Любищева есть признание: «Я люблю трепаться и валять дурака». Мудрость была и остаётся весёлой, как сказано ещё в притчах Соломона. И мудрость Любищева была как раз таковой. Она поднимала дух у отчаявшихся и раздавала щелчки критики в ответ на самомнение и непогрешимость научных и философских догм. В его стиле необычайно ярко воплощались свойственные ему «гены антидогматизма и интеллектуального загиба». Эта любищевская метафора действительно характеризует его необычный врождённый дар, о котором единодушно писали самые разные его корреспонденты».(4)

С Любищевым переписывались знаменитые биологи Л.С. Берг, Н.И. Вавилов, И.И. Шмальгаузен, Б.Л. Астауров, В.А. Энгельгардт, физики И.Е. Тамм и Я.И. Френкель, математики А.А. Ляпунов, А.Д. Александров, Ю.В. Линник. Много писем от родственников, друзей, бывших сослуживцев, 30 писем от жены поэта Надежды Мандельштам, при его поддержке она некоторое время жила в Ульяновске.

Что привлекало множество столь несходных по своим научным и жизненным интересам людей к «провинциальному профессору», как называл себя он сам? Думаю, его неординарность. Чуть ли не со студенчества, еще в предреволюционные годы, он мечтал найти для всего многообразия живых изменяющихся форм систему, аналогичную периодической системе Менделеева, благодаря которой по немногим параметрам можно было бы вывести свойства всех «элементов» живого мира и «поверить алгеброй» гармонию природы. Он не видел для себя иной опоры, чем знание и творчество исследователя.

Александр Александрович Любищев был высоко этичным

человеком, принципиальным ученым, неутомимой творческой личностью и последним энциклопедистом XX века.

Заместитель директора по науке Куйбышевской биостанции Института биологии внутренних вод (ныне Институт экологии Волжского бассейна РАН), посетил профессора в Ульяновске в начале 1972-го с приглашением приехать прочесть лекции.

В августе 1972 года Александр Александрович приехал в Тольятти, но успел прочитать только одну лекцию. В ночь на 18 августа скорая помощь доставила его в больницу. 31 августа Любищев Александр Александрович умер. Был захоронен на городском кладбище Тольятти. При жизни он, читавший лекции в разных городах Союза, говорил: «Земля везде, где умру, там и хороните», поэтому согласно завещанию он был похоронен в городе, где умер.

В ноябре 1989 года, накануне 100-летия со дня рождения, останки ученого перезахоронили на территории Института экологии Волжского бассейна. Юбилей широко отмечался в агрокругах страны, отмечался он и в Тольятти, и в Самаре.

Четвертая жизнь ученого – это наша статья, дающая краткое описание деятельности профессора Александра Александровича Любищева, охватывающая период его работы в самарском сельскохозяйственном институте, известный лишь узкому кругу агроспециалистов. Вернувшись из забытья жизнь профессора Александра Александровича Любищева на самарской земле занимавшегося Земляными блошками (лат. *Alticini*) – триба жуков из семейства листоедов, из подсемейства козявок, являющимися одними из основных вредителей.

З.Я. Бикинина,
экскурсовод музея СХИ
Валентина Калюга

Могила А.А. Любищева

Литература

1. Д.А. Гранин «Эта странная жизнь» Изд-во Л. 1974 г.,
2. В.Г. Клевлин «Дорога к земле», Самара, 1994 г. С. 86–88.
3. А.И. Леглер «Жизнь моя полосатая» Изд-во «Александра». Эстония. 1991 г. С. 38–39
Леглер Андрей Иванович (1891–1963 гг.) Из обрусевших немцев. Родился в семье присяжного поверенного в Козельске. Окончил в 1916 году Рижский политехнический институт. В 1917 г. вступил в партию эсеров, но не был активным членом. С 1923 г. как административно высланный жил в пос. Усть-Кинельский под Самарой. Работал в строительном управлении. В 1931 году переведен в Пермь. 1941–1959 гг. сотрудник Киргизского филиала АН. С 1959 г. жил в Эстонии. Написал воспоминания «Жизнь моя полосатая», которые были изданы дочерью и внуками к 100-летию Андрея Ивановича.
4. Голубовский М.Д., Тайный жребий профессора Любищева в книге: Любищев А.А., Расцвет и упадок цивилизации, СПб, «Алетейя», 2008 г., С. 5.
5. А.А. Любищев «Мысли о многом», Ульяновск, 1997, Ульяновский государственный педагогический университет.
6. А.А. Любищев – А.Г. Гурвич «Диалог о биополе», Ульяновск, 1998, Ульяновский государственный педагогический университет.